

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 6, Pp. 1671–1691, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК / UDC 811.512.1 ‘373.21: 81’373.6
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1671-1691

Башкирские дримонимы: лексико-семантическая классификация, структура, этимология

Гульнур Харуновна Бухарова[1]

[1] Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (3а, ул. Октябрьской революции, 450000 Уфа, Российская Федерация)
доктор филологических наук, главный научный сотрудник
0000-0002-8596-5703. E-mail: buharova_g[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Бухарова Г. Х., 2023

Аннотация. *Введение*. Статья посвящена исследованию класса топонимов Республики Башкоротостан, образованных от дримонимов. *Цель* исследования — лексико-семантический, словообразовательный, этимологический анализ и систематизация данного класса топонимов. Актуальность исследования связана прежде всего с их малоизученностью в башкирской топонимике в плане системной организации и языковой принадлежности. *Материалы и методы*. Основным источником информации по башкирской топонимии послужил «Словарь топонимов Республики Башкортостан». Многие топонимы в данном словаре, связанные с названиями лесов, деревьев, имеют неясную семантику и поэтому оставались вне поля зрения башкирских топонимистов или же получили искаженную трактовку. Научная новизна статьи состоит в том, что в ней впервые описан процесс дримонимизации в топонимии, введены в научный оборот ранее не изученные топонимы, полностью утраченные в современном башкирском языке, сохранившиеся лишь в названиях географических объектов и не поддающиеся этимологии на фактах современного башкирского языка. В исследовании применяется комплекс методов анализа топонимов. Классификация топонимов, образованных от дримонимов, производится с использованием описательного метода; при объяснении словообразовательной структуры топонимов используется структурный метод, объяснение происхождения индоиранских, финно-угорских и монгольских географических названий осуществляется при помощи сравнительно-исторического метода; при описании ареалов распространения топонимов используется ареальный метод; топонимы, связанные с языческими верованиями и с культом деревьев у башкир, описываются путем этнолингвистической реконструкции и лингвокультурологической интерпретации. *Результаты*. В статье, кроме топонимов общетюркского происхождения, выявлены топонимы иноязычного происхождения, дана этимология топонимов, образованных от дримонимов индоиранского, финно-угорского и монгольского происхождения. Рассмотрены также топонимы от дримонимов, связанные с верованиями башкир, выявлена их функция в создании топонимической картины мира Башкортостана. Как показывают материалы анализа, топоосновы от дримонимов в башкирской топонимии характеризуют прежде всего физико-природные условия Башкортостана, место произрастания определенного вида дикора-

стущих деревьев и кустарников на его территории. В субстратных топонимах индоиранского, финно-угорского происхождения, а также в топонимах монгольского происхождения отражаются история языка и история народа, а в топонимах, связанных с почитанием родовых деревьев, проявляется специфика древних верований башкир.
Ключевые слова: топонимика, топонимы, башкирская топонимия, дримонимы, этимология
Для цитирования: Бухарова Г. Х. Башкирские дримонимы: лексико-семантическая классификация, структура, этимология // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 6. С. 1671–1691. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1671-1691

Bashkir Toponyms Derived from Drymonyms: Classification, Structure, Semantics, Etymologies

Gulnur Kh. Bukharova[1]

[1] Akmulla Bashkir State Pedagogical University (3A, Oktyabrskoi Revolyutsii St., 450000 Ufa, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Chief Research Associate
0000-0002-8596-5703. E-mail: buharova_g[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Bukharova G. Kh., 2023

Abstract. *Introduction*. The paper examines the cluster of toponyms derived from drymonyms. The relevance of the research topic is determined by the poor knowledge of this type of toponyms in the toponymic system of Bashkortostan (Russia). *Goals*. The study seeks to classify Bashkir toponyms derived from names of forests, groves, wild trees and shrubs, to describe their word-formation structure, semantics, origin and features of functioning in the toponymic system of the Southern Urals. *Materials and methods*. The scientific novelty of the research lies in the fact that the paper is the first to identify toponyms associated with drymonyms using the method of continuous sampling — in the Dictionary of Toponyms of the Republic of Bashkortostan. The work also attempts to describe those systematically, traces new drymonyms of foreign origin, and reveals the latter's role in the toponymy-related processes. Furthermore, the paper is the first to outline a lexical/semantic classification of such toponyms, defines their structure, semantics, and origin. *Results*. In addition to toponyms of common Turkic origin, the article identifies drymonymic toponyms formed from Indo-Iranian, Finno-Ugric, and Mongolian word stems. The insight into some drymonymic toponyms associated with beliefs of Bashkirs reveals their function in creating the unique toponymic picture of Bashkortostan. The analysis of related material shows the designated type of Bashkir toponyms characterize primarily natural landscapes of Bashkortostan, habitats of certain species of wild trees and shrubs. The toponymic substratum of Indo-Iranian, Finno-Ugric and Mongolian origin reflects historical backgrounds of the language and ethnos, while toponyms associated with deification of ancestral trees are indicative of specific ancient beliefs of Bashkirs.
Keywords: toponyms, Bashkir toponyms, drymonyms, etymology
For citation: Bukharova G. Kh. Bashkir Toponyms Derived from Drymonyms: Classification, Structure, Semantics, Etymologies. *Oriental Studies*. 2023; 16(6): 1671–1691. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1671-1691

1. Введение

Удивительно богат, разнообразен и своеобразен природный ландшафт Башкортостана. В нем, кроме гор, рек и озер, степей и равнин, водопадов и пещер, значительное место занимают леса. Они составляют примерно 38–40 % территории Республики Башкортостан (далее — РБ), а в ее горно-лесной зоне (Белорецкий, Бурзянский, Абзелиловский, Аскинский, Караидельский районы) лесистость местами доходит до 80–90 % от занимаемой площади.

Лес занимает особое место в природе Башкортостана: он оказывает большое вли-

яние на общую экосистему, климат края, рельеф местности, растительный и животный мир, водную сеть, имеет почвозащитное и водоохранное значение. Лес является национальным богатством и играет важную роль в хозяйственной жизнедеятельности людей и в экономике.

Лес оказал влияние на формирование у людей образа жизни, материальной и духовной культуры. Все это отражается в языке, в названиях географических объектов, поэтому через призму топонимической лексики, связанной с лесом, можно восстановить и описать общественно значимый культурно-исторический фрагмент картины мира народа.

Богата и своеобразна башкирская лексика, связанная с дримонимами в лексическом и семантическом плане, а также и с точки зрения происхождения. В башкирских топонимах, образованных от названий лесов, рощ, названий деревьев и кустарников и т. п., закреплена разнообразная информация о географических особенностях и рельефе местности, о хозяйственной деятельности, о материальной и духовной культуре народа, о контактах народов и взаимовлиянии языков, о национальном мировосприятии и мирообъяснении и т. п.

До настоящего времени класс башкирских топонимов, образованных от дримонимов, не был предметом комплексного научного изучения.

«Дримоним (от древнегреческого δρυμος — дубовая роща, лес и древнегреческого ὄνομα — имя, название) — вид топонима. Собственное имя любого лесного участка, леса, бора, рощи, части леса» [Подольская 1988: 57].

Основу лесов составляют деревья, поэтому в работе анализируются не только топонимы, образованные от названий лесов, рощ и т. п., но и топонимы, образованные от названий деревьев, рассматриваются также географические названия, образованные от названий кустарников.

Несмотря на то, что отдельные географические названия, связанные с дримонимами, нашли отражение в трудах башкирских языковедов [Камалов 1994; Камалов 1997; Хисамитдинова 1992; Усманова 1994; Киекбаев 2002; Бухарова 2003; Бухарова 2016; Бухарова 2017; Бухарова 2023; и др.], актуальность исследования данного класса топонимов связана прежде всего с их малоизученностью в башкирской топонимике в плане системной организации и языковой принадлежности.

Научная новизна статьи состоит в том, что в ней впервые описан процесс дримонимизации в топонимии, введены в научный оборот ранее не изученные топонимы, полностью утраченные в современном башкирском языке, сохранившиеся лишь в названиях географических объектов и не поддающиеся этимологии на фактах современного башкирского языка, объяснено их происхождение. Целью настоящего исследования является всесторонний лексико-семантический, словообразовательный и этимологический анализ и систематизация класса дримонимов РБ. Для достижения поставленной цели нами решаются следующие задачи:

– произвести лексико-семантическую классификацию дримонимов;

– определить сруктуру изучаемых топонимов;

– выявить в топонимической системе РБ иноязычные, а также архаичные дримонимы и объяснить их языковую принадлежность, раскрыть этимологию;

– через призму дримонимической лексики реконструировать мировоззрение башкирского народа.

2. Материалы и методы

Основным источником информации по башкирской топонимии послужил «Словарь топонимов Республики Башкортостан», составленный А. А. Камаловым, Р. З. Шакуровым, З. Г. Ураксиным и М. Ф. Хисматовым [СТРБ 2002]. Данный словарь является первым наиболее полным сводом географических названий РБ.

В настоящей работе используются также полевые материалы автора, собранные им в разные годы во время диалектологической практики студентов факультета башкирской филологии Башкирского государственного педагогического университета.

В исследовании применяется комплекс методов анализа топонимов. Классификация топонимов, образованных от дримонимов, производится с использованием описательного метода; при объяснении словообразовательной структуры топонимов используется структурный метод, объяснение происхождения индоиранских, фин-

но-угорских и монгольских географических названий осуществляется при помощи сравнительно-исторического метода; при описании ареалов распространения топонимов используется ареальный метод; топонимы, связанные с языческими верованиями и с культом деревьев у башкир, описываются путем этнолингвистической реконструкции и лингвокультурологической интерпретации.

3. Лексико-семантическая классификация, структура и этимология дримонимов

Лексико-семантическую классификацию дримонимов можно представить следующим образом:

1) географические названия, включающие в себя названия общего порядка, связанные с деревом, лесом;

2) топонимы, образованные от названий дикорастущих деревьев, кустарников;

3) топонимы, образованные от названий культурных плодовых деревьев.

Следует отметить, что в статье особое внимание уделено башкирским топонимам тюркского происхождения с неясной этимологией, а также иноязычным дримонимам. Часто встречающиеся в башкирской топонимии названия, образованные производящими терминами *балан* ‘калина’, *екән* ‘камыш’, *ерек* ‘ольха’, *ҡарайерек* ‘черная ольха’, *имән* ‘дуб’, *йүкә* ‘липа’, *йыла* ‘ильм’, *ҡайын* ‘береза’, *саука* ‘мелкий березняк’, *ҡамыш* ‘камыш’, *һарғамыш* ‘желтый камыш’, *ҡарағай* ‘сосна’, *ҡарама* ‘вяз’, *ҡарағас* ‘лиственница’, *миләш* ‘рябина’, *шыршы* ‘ель’, *өйәнке* ‘ветла’, *тал* ‘ива’, *тирәк* ‘тополь’, *уҫаҡ* ‘осина’, в силу невозможности их рассмотрения в рамках одной статьи, остались вне поля зрения нашего исследования.

3.1. Географические названия, включающие в себя названия общего порядка, связанные с деревом, лесом

3.1.1. Топонимы, имеющие топооснову *ағас* ‘дерево, лес’

Ағаскүл — озеро в Дюртюлинском районе, у деревни Мамадалы. Название образовано от *ағас* ‘дерево’ и *күл* ‘озеро’ в значении ‘озеро, поросшее камышом, лесом’; *Балағаскүл* — деревня в Туймазинском районе, ойконим образован от гидронима *Балағаскүл* (*бала* ‘малое, маленькое’, *ағас* ‘дерево’, *күл* ‘озеро’); *Ағастыбейек* — гора в Баймакском районе. Ороним образован от диалектного *ағасты*, соответствующего литературному *ағаслы* ‘лесистая’ и *бейек* ‘высокая’ —> ‘гора’ [СТРБ 2002: 23]. Как видно из данного примера, в башкирских географических названиях топооснова *ағас* имеет семантику ‘лес’. В диалектах сибирских тюрков лексема *агаш* в составе термина *йыш агаш* также приобретает семантику ‘лес’, ‘густой лес’, в балкарском для обозначения леса также используется наименование дерева — *аҕач*.

Архетипом слова *ағас* яляется форма *ууаč, образовано от *у ‘растение, кустарник’ и аффикса -уаč в увеличительном значении [СИГТЯ 1997: 105].

3.1.2. Топонимы, названные производящим термином *урман* ‘лес’

Во многих районах РБ населенные пункты носят названия с основой *Урман*, которые образованы от *урман* ‘лес; лесная’. *Урманаҫты* — деревня в Дюртюлинском районе. Ойконим образован от названия местности *Урман аҫты* ‘подлесная’. Ср.: *Урманаҫты Ҡобау* (офиц. *Теләкәй-Ҡобау*) — деревня в Буздякском районе. Урман-Бишҡаҙаҡ — деревня в Ишимбайском районе. Ойконим образован от *урман* ‘лес, лесной’ и прежнего названия деревни *Бишкаҙак* ‘пять казаков’; *Урманкүл* — деревня в Аскинском районе. Ойконим происходит от названия озера *Урманкүл*. *Урманкүл* — озеро в Бирском районе. Вариант названия *Урманлыкүл*, образован от *урманлы* ‘лесное’ и *күл* ‘озеро’ [СТРБ 2002: 207].

Лексема orman — одно из древнейших индоевропейских заимствований в тюркских языках, сопоставляется с тохарским or ‘дерево, древесина’ и аффиксом -man (увелич.) [СИГТЯ 1997: 110].

3.1.3. Топонимы, названные производящим термином *бүләк* ‘лесок’

Бишбүләк — село, центр Бижбулякского района. Ойконим образован от названия местности *Бишбүләк* (*биш* ‘пять’, *бүләк* ‘участок леса, надел земли’); *Ҙур бүләк* — деревня в Благоварском районе. Ойконим образован от названия местности: *Ҙурбүләк* (*ҙур* ‘большой’, *бүләк* ‘лесок’). *Бүләк* — деревни в Балтачевском, Илишевском, Стерлибашевском районах РБ. В диалектах башкирского языка *бүләк* имеет значения: ‘березовая роща’ и ‘урема’ [БТДҺ 2002: 63].

3.1.4. Топонимы, названные производящим термином *курғы* ‘мелкий лес’

Курғы — названия рек в Белокатайском, Зилаирском, Федоровском, Альшеевском районах РБ. *Курғылар* — бывшая деревня в Бураевском районе; *Курғы тауы* — гора в Буздякском районе, Дуванском, Миякинском районах. *Курғы* — названия рек, левый приток Уфы в Белокатайском районе; левый приток Сакмары в Зилаирском районе; левый приток Ашкадара в Федоровском районе. Имеется также *Курғы йылғаһы* — речка в Альшеевском районе [СТРБ 2002: 133].

Происхождение данных топонимов А. А. Камалов объясняет от *ķурғы* ‘глубокий лесистый овраг, рытвина, пересыхающая речка; мелкий лес, характерный для степных местностей’ [СТРБ 2002: 133]. В толковом словаре башкирского языка слово зафиксировано также в значении ‘мелкий лес в высокогорье’ [БТҺ 1993: 705].

Башкирское *курғы* сопоставляется с тюркскими и монгольскими языками: кирг. *керүү* ‘верх горы или склон высокой горы с травой’, тур. koru ‘лесок’, ‘роща’ и монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками: монг. kege-r-e, халха *хээр*, бур. *хээрэ*, калм. *кеер* ‘место, удаленное от жилых мест (открытое поле, поле, степь, лес)’; эвенк. *кэвэр*, *кэр* ‘луг; степь’; ‘болото с травой и редкими деревьями; горная тундра’, а также с халх. *хэр*, *хэрүү* ‘деревья, растущие по северному склону горы островками или отдельными группами’ [ЭСМЯ 2016: 112].

Возможно, основа *ķурғы* ‘глубокий лесистый овраг, рытвина, пересыхающая речка; мелкий лес, характерный для степных местностей’ относится к общеалтайскому лексическому фонду.

3.1.5. Топонимы, названные производящим термином *бурған / бурғын* ‘прибрежная роща, тальник’

Бурғынбаш — речка в Татышлинском районе. *Бурғынбаш* — деревня в том же районе. В [СТРБ 2002] данное название зафиксировано без объяснения его происхождения. *Бурғынбаш* — гибридное название, состоящее в структурном отношении из *бурғын* и *баш*. Происхождение топоосновы *бурғын* можно объяснить на материале монгольских и тунгусо-маньчжурских языков: монг. *бургаас(ан)* ‘ивняк, тальник, прут’, бур. *бургааһа(н)* ‘кустарник, прут, лоза’, калм. *бургъсн* ‘куст, ивняк’ [Аникин 2000: 143–144]; второй компонент *баш* можно объяснить из башкирского *баш* ‘начало, исток, верховье’ [БТАҺ 2011: 175].

3.1.6. Топонимы, названные производящим термином *тайга* ‘хвойный лес’

Тайга — деревня в Караидельском районе. Ойконим образован от тюрко-монгольского *тайга* ‘хвойный лес’. *TAYIγ-A* — халх., бур. ‘тайга’ [ЭСМЯ 2018: 157]. Эта лексема соотносится с тюркским *tāγ ‘гора, лес’. Алтайское *тайка* (тайга) — скалистые горы [Радлов 1905: 767], в современном алтайском и шорском *тайга* также употребляется как оронимический термин в значении ‘гора’: *Кузуктытайга* — гора Кузыкты, *Корумтайга* — гора Корум, *Сарытайга* — гора Сары. В тувинском *тайга* — высокогорье, а также — хвойный лес. В русских диалектах Сибири тайга — обширные, сплошные леса, непроходимая исконная глушь, густой непроходимый лес, дебри [Аникин 2000: 524].

3.1.7. Топонимы, названные производящим термином *балкан* ‘горный лес; гора, покрытая лесом’

Балкантау — горы в Давлекановском, Федоровском районах. Ороним образован от *балкан* ‘крутые покрытые лесом горы’ [Радлов 1911: 1499] и *тау* ‘гора’. В словаре М. Фасмера Балканы — ‘большая высокая горная цепь, поросшая лесами’ [Фасмер 2009а: 116]. Ср.: тур. balkan ‘горная цепь, покрытая лесами’. В словаре В. В. Радлова *балканлык* ‘страна, покрытая крутыми, высокими лесистыми горами’ [Радлов 1911: 1499].

3.1.8. Топонимы, названные производящим термином *балта*, *балталык* ‘лес, общественный лес’

Балта — деревня в Кармаскалинском районе. Происхождение ойконима объясняется от личного имени *Балта* [СТРБ 2002: 41]. Действительно, у башкир в прошлом существовало мужское имя *Балта*. Так, например, в Ревизской сказке 1859 г. Оренбургской губернии Белебеевского уезда, 21-го башкирского кантона, юрты № 1-го, деревни Устюбы зафиксирован мужчина по имени *Балта Касымов*. Мужское имя *Балта* происходит от тюркского *балта* ‘топор’. Возможно, это имя давалось мальчику с пожеланием, чтобы он рос крепким, как топор. В башкирской антропонимии имеется фамилия *Балтин*. У других тюркских народов

имеются имена: *Балтабек* (казахское мужское имя), *Палта* (узбекско-уйгурское мужское имя), *Малта* (хакасское), чувашские языческие имена *Палтай*, *Палташ*, *Палти*.

Балтай — село в Туймазинском районе Башкортостана. Происхождение ойконима связывается с антропонимом *Балтай* [СТРБ 2002: 41]. В русско-башкирском словаре-справочнике названий населенных пунктов РБ происхождение ойконима *Балтай* связывается с этнонимом *балтай* [Хисамитдинова, Сиразитдинов 2001: 266]. Вполне возможно, что ойконим образован от этнонима. Многие тюркские этнонимы образованы от основы *балта* / *балталы*: *Балта* — казахский род в составе ашамайлы-кереев Среднего жуза. *Балталы* — казахский род племени Найман, входящего в Средний жуз. Этот этноним в Узбекистане отмечен у кипчаков в форме *болталы*, *майлы-балта* и др. [Гейбуллаев 1986: 31]. *Кара-Балта* — город в Киргизии. Происхождение ойконима связывается с киргизскими родоплеменными наименованиями *балта* и *кара* [Поспелов 2001: 187].

Балталы — левый приток Ашкадара в Федоровском районе. Происхождение гидронима связывается с прозвищем *балталы* [СТРБ 2002: 41]. Как известно, одним из источников возникновения прозвищ являются этнонимы. Возможно, в основе гидронима *Балталы* лежит тюркский этноним *балталы*. От гидронима образовано название бывшей деревни *Балталы* в том же районе. Тюркоязычная топонимия отражает родоплеменную структуру народов, и среди них широко представлен род *балталы*. Этнотопонимы с топоосновой *балта* имеются в Турции, Азербайджане, Новосибирской области, Ташкентской области Узбекистана, Акмолинской области Казахстана. Как показывают наши наблюдения, не все топонимы с основой *балта* восходят к антропонимам и этнонимам.

В тюркоязычном ареале географические названия с топоосновой *балта* также связаны с названиями лесов. Так, например, в окрестностях озера *Балталы* в турецкой провинции Ушак красивые густые зеленые леса. Природный заповедник *Балтата* — лиановый лес, который произрастает в месте слияния реки и моря в климатическом курорте Албена в Болгарии. Священная роща *Балта-Тиймез* — памятник природы в городе Бахчисарае Республики Крым. *Балатовский* (ныне Черняевский) лес — лес в центре города Перми на огромной площади. *Балтым* — озеро, окруженное густым смешанным (преимущественно сосновым) лесом в окрестностях города Верхняя Пышма.

Как видно из примеров, топооснова *балта* связана с лесом. Вероятнее всего, слово *балта* означало лес. Географические названия Башкортостана с топоосновой *балта* связаны также с местом произрастания деревьев, лесом. Например, *Балтайорт* — бывшая деревня в Ишимбайском районе. Деревня располагалась при впадении речки Балтаюрт в Улу-Елгу. *Балта-тау* — гора в Баймакском районе. Возможно, ороним образован от *балта* ‘лес’ и *тау* ‘гора’. *Балта-бүләк* — урочище в Чишминском районе, название образовано от *балта* ‘лес’ и *бүләк* ‘лес, лесок’. *Балтакыуыш* — гора в Гафурийском районе у деревни Урман-Реват. Название образовано от антропонима *Балта* и *кыуыш* ‘шалаш, балаган’ [СТРБ 2002: 41]. Возможно, ороним образован от *балта* ‘лес’ и *кыуыш* ‘шалаш, балаган’. Подтверждением того, что лексема *балта* означает ‘лес’, является фиксация данной лексемы в словаре В. В. Радлова в форме *балталык* в значении ‘общественный лес’ [Радлов 1911: 1503], образовано от *балта* + *-лык*.

3.1.9 Топонимы, названные производящим термином *балышлы / балышты* ‘еловый лес’

Балышлы — левый приток Демы. От названия реки происходит название села Балышлы в Благоварском районе Башкортостана. В словаре топонимов РБ происхождение названия не объяснено. Возможно, гидроним образован от башкирского слова *балышта*, которое зафиксировано в словаре В. В. Радлова с пометой «башкирское» в значении ‘еловый лес’ [Радлов 1911: 1498].

3.1.10. Топонимы, названные производящим термином *һарғай* ‘кондовый лес’

Һарғай — правый приток Раузяка в Ишимбайском районе; *Һарғай* — правый приток Лемезы в Архангельском районе; *Һарғайы йылғаһы* — речка в Бурзянском районе, деревня Магадей; *Һарғайы* — бывшая деревня в Хайбуллинском районе; *Һарғайлы* — бывшая летовка в Мелеузовском районе. От гидронима *Һарғай / Һәргәй* образованы названия многих ойконимов: деревни в Ишимбайском, Мелеузовском

районах. *Һарғайы* — деревня в Бурзянском районе. Варианты: *Һарғая*, *Һарғыя* [СТРБ 2002: 217].

Р. З. Шакуров считает возможным образование гидронима *Һарғай* от древнебашкирского *һарығ* ‘желтая’ и *ай* / *уй* ‘долина, низменность’ и сравнивает с гидронимами *Һарғай* — правый приток Лемезы в Архангельском районе; *Һарғайы йылғаһы* — речка в Бурзянском районе; *Һарғайы* — бывшая деревня в Хайбуллинском районе; *Һарғайлы* — бывшая летовка в Мелеузовском районе. *Һәргәй* — деревня в Мелеузовском районе. Названо по речке *Һәргәй* / *Һарғай* [СТРБ 2002: 217].

Онимы с топоосновой *һарғай* связываются нами с местностью, где растут густые высокоствольные ровные деревья, и сопоставляются с монгольскими языками: *чаргай* ‘кондовый (лес); высокоствольный’ (о лесе, растущем густо) [БАМРС 2002: 306], халх. *чаргай*, калм. *чирһа* ‘кондовый (лес)’ [ЭСМЯ 2018: 147]. Уместность сравнения *Һарғай* / *Һәргәй* и их фонетических вариантов с монгольским xargai ‘сибирская лиственница’, *чаргай* ‘безсучковый высокоствольный лес’ подтверждается и тем, что в современном башкирском языке и его диалектах от слова *һарғай* образованы следующие слова и словосочетаня: *һарғауыл* ‘длинное деревянное приспособление, используемое для закрытия отверстия юрты’ [БТҺ 1993: 575]. *Һырғауыл* — в кизилском, миасском, среднем говорах башкирских диалектов означает ‘столб, на который лазают в состязаниях; *һырғый ағас* — в кизилском говоре — ‘высокое ровное дерево’ [БТДҺ 2002: 386].

Следует отметить, что лексема *һарғай* / *чаргай* соотносится с тюркским словом *карағай*, которое употребляется в значении ‘сосна’ в кум., каз., ккалп., ног., тат. диал., баш., узб., уйг. диал., алт., шор. языках; в кирг., уйг., уйг. диал. — ‘ель’, в тат. — ‘лиственница’, в узб. диал. — ‘дерево’, ‘сосняк’, в кирг. — ‘еловый лес’ и т. д.; в монгольских языках: письм.-монг. qarrai ‘лиственница’, халха-монг. *харгай* ‘сибирская лиственница’, калм. *xapha* ‘сосна’, xarra, *xarra* ‘ель или лиственница, хвойное дерево’ [ЭСТЯ 1997: 292; Бухарова 2023: 27–28]. По утверждению авторов этимологического словаря тюркских языков, «эта основа относится к древнейшему общеалтайскому лексическому фонду» [ЭСТЯ 1997: 293].

3.1.11. Топонимы, названные производящим термином *рәм* ‘болото, поросшее лесом’

Рәмәш — гора в Белорецком районе. Ф. Г. Хисамитдинова происхождение оронима объясняет от финно-угорского *ряме* / *риеме* ‘болото, поросшее лесом’ [Хисамитдинова 1992: 71]. Действительно, в финно-угорских языках: фин. rame, карел. rieme ‘болото, поросшее лесом’ [Фасмер 2009в: 537].

Слово *рям* распространено в русских диалектах Сибири, где употребляется в значениях: ‘болото’, ‘болотистое, но достаточно проходимое место, поросшее мелким, обычно сосновым лесом’, ‘мелкий лес’ в таком месте, ‘густой, труднопроходимый, заболоченный лес’ и т. п. [Аникин 2000: 468]. Ср.: *Рәмәште* — бывшая деревня в Белорецком районе РБ. Малый Рям — речка в Челябинской области, *Рәмгүл* — озеро в Челябинской области.

3.1.12. Топонимы, названные производящим термином *нәр* / *нәрә* ‘болото, поросшее кустарником’

Нәрәле — речка и озеро в Учалинском районе. Гидроним образован от топоосновы *нәрә* и башкирского аффикса наличия *-ле*. *Нәрәле* — гора в том же районе. *Нәрәш аҫты* — урема в Кармаскалинском районе, у села Бишауыл-Унгар. *Нәрәш* — гора в том же районе, в селе Ибрагим [СТРБ 2002: 159].

В [СТРБ 2002] происхождение топонимов оставлено без объяснения. На наш взгляд, ороним *Нәрәш* образован от *нәрә* и аффикса наличия *-әш*. Возможно, *нәрә* — финно-угорский субстрат в башкирской топонимии. Лексему *нарья*, зафиксированную в словаре русских народных говоров в значении ‘заболоченное и заросшее кустарником место у реки, озера’, А. К. Матвеев сопоставлял с фин. noro ‘ложбина’ и коми-зыр. *нюр* ‘болото’ (см.: [Аникин 2000: 405]). Цепь примеров можно дополнить: фин. *noro* ‘ложбина’, эрз. *нар* ‘луг’, коми *нер* ‘редкий сосняк с болотистой почвой’; коми-зыр. *нюр* ‘болото’, нен. *нара* ‘чаща, дремучий лес’, *неро* ‘ивняк’ [Исаев 2015: 183].

3.1.13. Топонимы, названные производящим термином *сауыл* / *сауыҙ* ‘молодой березняк, лес’

Сауыҙ — река в Краснокамском районе, *Сауыҙбаш* — деревня в том же районе. В [СТРБ 2002] происхождение гидронима

не объясняется. На наш взгляд, топонимы образованы от диалектного слова *сауыҙ*, соответствующего литературному слову *сауыл*, которое употребляется в значениях: ‘одинокая большая береза’, ‘молодой березняк’, ‘лес’, и *баш* ‘исток’ реки. Чередование звуков *л~ҙ* характерно для башкирского языка: *Елем* ~ *Еҙем* — название реки в Гафурийском районе РБ функционирует в речи в двух вариантах [СТРБ 2002: 67].

3.1.14. Топонимы, названные производящим термином *туғай* ‘кустарник по берегам рек, пойма’

Туғай — название деревень в Благовещенском, Буздякском, Бураевском, Гафурийском районах. В современнном башкирском языке *туғай* — ‘кустарник по берегам рек, луг, пойма’. Географические названия с термином *туғай* в значении ‘луг, пойма реки’ А. А. Камалов объясняет на материале монгольских языков, где термин *тохой* употребляется в значениях ‘излучина, изгиб реки, ручья; залив’ [Камалов 1997: 180].

Термин распространен во многих тюркских языках: «в алт. языке *токой* ‘полуостров, выдавшийся полукругом берег реки’, в теленг. диалекте *токой* / *тогой* ‘лес’; каз. *тоғай* ‘пойма реки с богатой лесо-луговой растительностью’; иногда ‘лес’; кирг. *токой* ‘лес’; 2) *тугай* ‘заросли кустарника, часто смешанного с камышом, по поймам рек, речек, по берегам озер, на болотистых местах’; ккалп. *тоғъай* ‘лес, лесные заросли; заросли кустарника’; тат. *тугай* ‘извив, излучина реки’; 3) ‘луг, пойма; *урман тугае* диал. ‘лесная поляна’; 4) *тугай*; туркм. *токай* ‘лес; лесной’; хак. *тоғъой* ‘роща’; лес на низменности, в извилине реки; луга по речным долинам с примесью кустарников и деревьев’; якут. *тогой* ‘изгиб, излучина (реки или озера с заливом)’; 5) устар. *тогой* — самая мелкая административная единица в северных районах Якутии в первые годы Советской власти» [Молчанова 1979: 98].

Географический термин *туғай* образован от монгольского анатомического термина toqo-i, халх., бур. *тохой*, калм. *тоха* ‘локоть, локтевой сустав; локоть (мера длины); излучина, лука (реки)’ [ЭСМЯ 2018: 173].

3.1.15. Топонимы, названные производящим термином *ҡыуаҡ* ‘кустарник’

Ҡыуаҡ-Мағаш — правый приток Ика в Белокатайском районе. Гидроним образован от *ҡыуаҡ* ‘кустарник’. Происхождение второго компонента *Мағаш* можно объяснить венгерским magas ‘высокий’ [РВС 1971: 252].

3.1.16. Топонимы, названные производящим термином *өлкөн* ‘куст’

Өлкөнтау — горы в Абзелиловском, Ишимбайском, Учалинском районах РБ. Оронимы образованы от диалектного слова *өлкөн* ‘куст’, которое зафиксировано в диалектологическом словаре башкирского языка [БТДҺ 2002: 257].

3.1.17. Топонимы, названные производящим термином *сыбы* ‘редкий кустарник’

Сыбы — горы в Гафурийском, Кугарчинском районах. Оронимы образованы от диалектного слова *сыбы* ‘редкий кустарник’. В южном диалекте башкирского языка *сыбылыҡ* — *һирәк-һаяҡ үҫкән ҡыуаҡлыҡтар* — редкие кустарники [БТДҺ 2002: 287]. Ср.: *Сыбы* — урочище в Аургазинском районе; *Сыбы* — поляна в Салаватском районе; *Сыбы* — покос в Янаульском районе; *Сыбылайыр* — речка в Бурзянском районе, гидроним образован от *сыбы* ‘редкий кустарник’ с аффиксом -*лы* и *айыр* ‘рукав реки’; *Сыбылыҡ аҫты* — урочище в Чишминском районе; *Сыбылыҡлы* — речка в Бурзянском районе; *Сыбылы һыуы* — речка в Салаватском районе. *Сыбыкаран* — деревня в Белебеевском районе [СТРБ 2002: 181]. В этимологическом словаре тюркских языков лексема *сыбы* не зафиксирована.

В «Опыте словаря тюркских наречий» В. В. Радлова *сыбы* — ‘пихта’ [Радлов 1911: 670]. В хакасском *сыбы*, в шорском *шӱбе* — ‘пихта’, хак. *сыбы*, алт. *чиби* — ‘ель’, в говорах башкирского языка *сыбыҡтыҡ* — ‘березняк’ [БТДҺ 2002: 287].

3.1.18. Топонимы, названные производящим термином *сытырман* ‘чаща, чащоба’

Сытырман — правый приток Ашкадара в Федоровском районе. От гидронима происходит название деревни *Сытырман* в том же районе. *Сытырман* — село в Янаульском районе. Гидроним образован от слова *сытырман* ‘чаща, чащоба’, которое употребляется и в других тюркских языках: каз. *шытырман* ‘густые заросли’, *шытырман тоғай* ‘лесная чаща’. В структурном отношении лексема *сытырман* состоит из основы *сытыр* и аффикса -*ман*.

В современном башкирском языке слово *сытыр* употребляется в значении ‘хво-

рост', а *сытырман* — 'чаща' [БТАҺ 2015: 771, 772]. Аффикс -*ман*, как и в лексеме orman (от тохарского or 'дерево, древесина' и аффикса -*man*), имеет увеличительное и собирательное значение. В названиях географических объектов лексема *сытыр* имеет также значение 'чаща'. Так, например, от названия местности *Сытырбаш* образован ойконим *Сытырбаш* — деревня в Миякинском районе. В основе топонима лежит диалектное *сытыр* 'чаща' и *баш* 'верховье, исток' [СТРБ 2002: 182]. Ср.: *Сытыр башы* — возвышенность в Салаватском районе у деревни Терменево.

3.1.19. Топонимы, названные производящим термином *тармал / тарымал* 'роща, дубрава'

Тарыуыл — правый приток Белой в Бурзянском, Зилаирском районах; *Тарауыл* төбәк — урочище в Давлекановском районе, деревня Казангул. Возможно, топонимы образованы от *тарымал* (*тары* + *мал*) 'роща, дубрава', *тармал* 'растение, дубрава, роща' [Радлов 1911: 874, 849].

3.1.20. Топонимы, названные производящим термином *шығай* 'роща, бор, чаща, дремучий лес'

Шығай — деревня в Белокатайском районе, село в Белорецком районе, село *Шығайкулбаш* в Буздякском районе. Происхождение данных ойконимов З. Г. Ураксин связывает с антропонимом *Шығай* [СТРБ 2002: 225]. Происхождение топоосновы *шығай* связывается с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками: монг. siγui, халх. *шугуй*, бур. *шугы*, калм. *шуһу* 'роща, бор, чаща' (чаще у берегов водоемов, рек), эвенк. *шиги* 'чаща, густой лес'; маньчж. šuwa 'кустарник, мелкий лес по северной стороне гор' [ЭСМЯ 2018: 111]. Данные ойконимы образованы не от антропонима *Шығай*, а от названия рек и местностей, где имеется роща, бор, чаща у берегов рек. Об этом свидетельствуют следующие названия рек: *Шығай йылғаһы* — речка в Белорецком районе, речка в Мечетлинском районе; левый приток Идяша в Буздякском районе и название местности *Шығайкулбаш* (*шығай* 'роща, бор, чаща у берегов рек', *кул* 'долина, *баш* 'исток'). Антропоним *Шығай*, наоборот, возник от ойконима — жителя деревни Шигаево могли нарекать *Шығай* [Бухарова 2023: 30].

3.1.21. Топонимы, названные производящим термином *йәнгел* 'лес, роща'

Йәнгел — правый приток Урала (Яика) в Абзелиловском районе; *Йәнгел* — деревня в том же районе. Происхождение гидронима и ойконима *Йәнгел* объясняется от субстратного географического термина индоиранского происхождения jangal 'лес': jangal 'лес, роща', перс. jangal 'лес, роща', скр. jangala 'маловодная, безлюдная, бесплодная область', хинди jangal 'лес', 'дикая местность' и сравнивается с рус. *джунгли* 'непроходимые заросли', нем. dschungel, англ. jungle, др.-р. *женгель* 'чаща'. Восходит к инд. dźängäl 'невозделанная земля', др.-инд. jangal [Бухарова 2016: 527]. Jangal в значениях 'заросли, колючий кустарник' употребляется в туркменском, казахском, киргизском, уйгурском языках. Кроме того, в киргизском, туркменском языках обозначает 'лес' [СИГТЯ 1997: 111].

3.1.22. Топонимы, названные производящим термином *шабаға* 'молодое дерево (хвойное)'

Шабағыш — речка и деревня в Куюргазинском районе. Происхождение топонимов в [СТРБ 2002] не объяснено. В структуре топонима можно выделить компонеты *шабаға* и аффикс наличия -*ыш* (-*аш*), соответствующий башкирскому литературному -*лы*. Возможно, *шабаға* — какое-то молодое хвойное дерево, вероятно, сосновое, потому что в башкирском языке сохранилось словосочетание *шыптағай карағай* в значении 'прямая, высокая, стройная сосна' [БТАҺ 2017: 906].

Наименование дерева *шыбаға* в современном башкирском языке сохранилось также в названии сельскохозяйственного ручного деревянного орудия труда для обмолота зерна *шабағаш / шебағаш / шәбағаш* — *сыбағас* 'цеп' [БТДҺ 2002: 388] и в слове *шыбағай* 'столб для взбирания во время сабантуя', а также в лексеме *шыбай* 'высокое безветвистое дерево'. Ср.: якут. čabaγa~ čybaγa~ čabaγy 'вид хвоща', тел. čabaγa 'молодой кустарник', тув. čavaγa 'молодое дерево' (хвойное), монг. šibaγ, калм. šawag 'растение Artemisia' [Аникин 2000: 68]. В данном лексико-семантическом разряде можно рассмотреть: *шабак* 'маленькие деревяшки, к которым прикрепляются полозья саней', *шабал* 'ветвь хвойного дерева' [Радлов 1911: 987], *шiбä* 'пихта' [Радлов 1911: 731].

3.1.23. Топонимы, названные производящим термином *шағыр / шәгәр / шөгөр* ‘мелкий густой лес на болоте, густой сосняк на болоте’

Шағыр — левый приток Миндяка в Учалинском районе; вариант названия — *Шәгәр*. В словаре топонимов РБ происхождение названия реки связывается с антропонимом *Шәгәр* [СТРБ 2002: 226]. *Шөгөр* — приток Туяляса в Баймакском районе. Происхождение гидронима связывается с антропонимом *Шөгөр*. На наш взгляд, гидронимы *Шағыр / Шәгәр / Шөгөр* гомогенны и своим происхождением связаны с финно-угорскими языками, где хант. tēger-jux ‘молодое хвойное дерево, в основном сосна, мелкий искривленный сосняк на болоте’; ‘лес из таких деревьев’ (jux — дерево), в кондинском диалекте мансийского языка tēγər ‘мелкая сосна’. В русских говорах Сибири *шигар* ‘густой лес на болоте, преимущественно сосняк, непроходимые заросли хвойного мелкого леса’, *шигарка* ‘глухая тайга’ [Аникин 2000: 698–699]. Ср.: русский диалектизм *шува́р* ‘болотные, водяные растения’, в украинском *шува́р* ‘Acorus calamus’, suqar qamyš ‘название разновидности камыша’, старое булгарское слово *suwar ‘разновидность камыша и других водяных растений’ [Добродомов 1971: 85].

Топооснова *шәгәр* зафиксирована также в гидрониме *Миәшәгәр* — речка в Салаватском районе и одноименная деревня в том же районе; он образован от *миә* (*миәс)* + *шәгәр*. Компонент *миә* (*миәс*) восходит к и.-е. *m(e)us ‘мох’, ‘болотное растение’, ‘плесень’. Название реки Миасс (баш. *Миәс*), правого притока Исети, объяснимо от индоевропейского слова *m(e)us, которое имеет несколько значений: ‘мох’, ‘болотное растение’, ‘плесень’, д.-в.-н. mios. англос. meos ‘мох’ [Фасмер 2009в: 5]. Действительно, долина реки Миасс сильно заболочена. Исток реки находится в Учалинском районе РБ [Бухарова 2016: 52].

Второй компонент *шәгәр* — ‘густой лес на болоте’. Ср.: Щугор — правый приток Печоры, правый приток Выми в Коми, левый приток Вишеры в Пермском крае. Шугур — деревня в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа, Малый Шугур — река в Ермаковском районе Красноярского края.

3.1.24. Топонимы, названные производящим термином *шыр*, *шырлык* ‘чаща’

Шыр — левый приток Малого Нугуша в Бурзянском районе. Гидроним образован от слова *шыр* ‘чаща’. Ср.: тув. čyrā ‘ивняк, заросли ивы’; ‘хворостина, тоф. čyrā ‘карликовая береза’, алт. jyrā ‘низенький кустарник’, хак. čyra ‘название кустарника’. *Шырҙы* — правый приток Сакмары в Баймакском районе. Гидроним образован от лексемы *шыр* ‘чаща, чащоба’ с диалектным аффиксом *-ҙы*, соответствующим литературному *-лы*. *Шырҙык* — деревня в Татышлинском районе. Ойконим образован от названия местности *Шырҙык* (*шыр* ‘чаща, чащоба’ с диалектным аффиксом *-ҙык*, соответствующим литературному *-лык*). Ср.: *Шырлык* — деревня в Благоварском районе, *Шырлык* — урочище в Белебеевском, Дюртюлинском, Ермекеевском, Туймазинском районах, а также *Шырлык* — левый приток Салмыша и село *Шырлык* (Шарлык) в Оренбургской области. *Шырлыкбаш* — деревня в Шаранском районе.

3.2. Топонимы, образованные от названий дикорастущих деревьев и кустарников

3.2.1. Топонимы, названные производящим термином *артыш* ‘можжевельник’

Артыш — горы в Хайбуллинском, Мелеузовском районах. Название образовано от лексемы *артыш* ‘можжевельник’, которая восходит к др.-тюрк. *ardyč [ЭСТЯ 1974: 173–174] и употребляется в тюркских языках в различных фонетических вариантах: др.-уйг. artič, тур. ardyč, тур. диал. ardeč, азерб. ardyǯ, азерб. диал. ardyč, ктат. ardyč, баш. artyč, балк. artič, алт. artys, тув. artyš, чув. urtaš [СИГТЯ 1997: 129]. Как видно из названия оронима, *артыш* растет в горах. Кроме того, в башкирском языке имеется синоним слова *артыш* в форме *арша*, что зафиксировано в башкирской топонимии в названии речки Арша. Возможно, название происходит от *арша* ‘можжевельник’. В тюркских языках данная форма слова употребляется в тат. arča, ккалп., каз. arša, уйг. arča, уйг. диал. arčy, кирг. arča, узб. arča, узб. диал. äččä. В башкирских говорах *артлыш* — ‘можжевельник’ [БТДҺ 2002: 25].

3.2.2. Топонимы, названные производящим термином *туйра* ‘молодой дуб’

Туйралы — гора и одноименная речка в Гафурийском районе вблизи деревни

Кургашла. Ороним образован от диалектного (средний говор южного диалекта баш. языка) *туйра* ‘молодой дубняк’ и аффикса наличия *-лы*. В северо-западном диалекте башкирского языка *туйра* имеет значение ‘молодые поросли’, а в говорах восточного диалекта — ‘желудь’.

3.2.3. Топонимы, названные производящим термином *әкә* ‘дуб’, *әкәлә* ‘желудь’

Әкәкүл — озеро в Давлекановском районе. *Әкә күле* — озеро в Аургазинском районе вблизи деревни Усман. Происхождение гидронима связывается с антропонимом *Әкә* и *күл* ‘озеро’ [СТРБ 2002: 230]. На наш взгляд, гидронимы образованы от *әкә* ‘дуб’. Башкирское диалектное *әкәлә* ‘желудь’ [БТДҺ 2002: 424] и *күл* ‘озеро’. Возможно, слово *әкә* / *әкәлә* — индоиранский субстрат в башкирской топонимии. Ср.: англ. oak [Мюллер 2013: 573], нем. Eiche ‘дуб’, Eichel ‘желудь’ [НРС 2013: 51].

3.2.4. Топонимы, названные производящим термином *күгәш* / *көгөш* ‘бук (лиственница)’

Күгәш — правый приток Большого Ика в Белокатайском районе. Варианты названия: *Куваш*, *Кугуш*, на картах — *Күге воше*. *Көгөш* — правый приток р. Белой в Гафурийском районе и *Күгеш* — речка в Гафурийском и Ишимбайском районах в [СТРБ 2002] не зафиксированы. *Кугуш* — левый приток р. Белая в Чекмагушевском районе. Протекает по территории Чекмагушевского, Илишевского, Дюртюлинского районов. Возможно, башкирские гидронимы *Күгәш* / *Күгеш* / *Көгөш* не гетерогенны, а гомогенны. Соответствие звуков *ү* ~ *ө* и *ө* ~ *ә* ~ *е* в башкирском языке закономерно.

Можно выдвинуть следующие версии происхождения гидронимов. Во-первых, гидронимы *Күгәш* / *Күгеш* / *Көгөш* образованы от *ҡоғу* / *ҡуғу* ‘лебедь’ [Радлов 1905: 516, 102] и обладательного аффикса *-әш* / *-еш* / *-өш*. Но в современном башкирском языке лебедь — *аҡҡош*. Во-вторых, гидронимы образованы от *күк* –> *күгеш* ‘синяя’. Ср.: *кӧгӧш* (алт.) ‘синий’, *кӧгӱш* (тур.) ‘серый’. В башкирской гидронимии реки часто наделяются эпитетом *күк* в значении ‘синяя’ или ‘небесная’, ‘священная’: *Күгиҙел* — одно из названий реки Демы. В-третьих, в основе гидронимов лежит дримоним *ҡоғуш*, *ҡоғуш ағачы*, которое зафиксировано в словаре В. В. Радлова в значении ‘буковое дерево’ [Радлов 1905: 519]. Ср.: тур. диал. *kодиº адасу́* ‘вид дерева, растущего на горных склонах, из ветвей которого делают луки и стрелы; бук’ [ЭСТЯ 2000: 16]. Возможно, последняя версия происхождения гидронимов *Күгәш* / *Күгеш* / *Көгөш* ближе к истине. В башкирской топонимии гидронимы чаще всего образованы от названий деревьев и кустарников, лесов и рощ, т. е. мотивом для номинации гидронимов послужила чаще всего береговая растительность, в основном деревья и кустарники. Кроме того, в башкирском языке *күгә* является определением молодого дерева: *күгә имән* ‘молодой дуб’, *күгә йүкә* ‘молодая липа’ [БТАҺ 2012: 760]. Следует отметить, что *көгөш* может означать не только ‘бук, буковое дерево’, но и другое дерево, например, ‘лиственница’. Ср.: *колган* ‘лиственница’ [Радлов 1905: 594], *кӱлкӓн* ‘буковое дерево’ [Радлов 1905: 1473].

3.2.5. Топонимы, названные производящим термином *ҡуға* ‘камыш’

Ҡуғанаҡ — речка, левый приток Белой в Аургазинском районе. Название образовано от *ҡуға* ‘камыш’ и аффикса *-наҡ* [СТРБ 2002: 132]. Однако в башкирском языке нет словообразовательного аффикса *-наҡ*. На наш взгляд, *Ҡуғанаҡ* восходит к *ҡуға* и *инәк* в значении ‘камышовая река’. Ср.: каз., шор. *куга*, караим. koɣa ‘камыш, тростник’ [СИГТЯ 1997: 135]. В др.-тюрк. *инәк* — ‘корова’. В башкирской топонимии названия тотемных животных — быка и коровы — ассоциируются с понятием ‘река’ и находят отражение в географических названиях. В основе зооморфного моделирования ландшафта лежат тотемистические представления башкир. Слово *инәк* в значении ‘река, речка’ встречается в составе многих речек Башкортостана: *Болғанаҡ*, *Ҡорғанаҡ*, *Һәүәнәк*, *Ҡуғанаҡ*, которые, возможно, восходят к *Болғанған инәк* ‘мутная речка’, *Ҡороған инәк* ‘сухая, пересохшая речка’, *Һеүән инәк* ‘речка со стремниной’, *Ҡуға инәк*, букв. ‘камышовая речка’ [Бухарова 2015: 491–492].

Ср.: *Ҡуғанаҡ йылғаһы* — речка в Аскинском районе. *Ҡуғанаҡбаш* — село в Стерлибашевском районе. Ойконим образован от гидронима *Ҡуғанаҡ* и *баш* ‘исток, верховье’. *Ҡуһа* — левый приток Зилаира в Баймакском районе. Гидроним образован от диалектного *ҡуһа* ‘куга, ситник’ [БТДҺ 2002: 206].

3.2.6. Топонимы, названные производящим термином *купа* ‘камыш’

Купаяр — деревня в Давлекановском районе. Ойконим образован от названия местности *Купаяр*. Название местности связывается с антропонимом *Купай* и словом *яр* ‘берег’ [СТРБ 2002: 133]. На наш взгляд, название местности происходит от башкирского *ҡупа* ‘болотистая местность, заросшая камышом’ и *яр* ‘берег’. В диалектах башкирского языка лексема *ҡупа* функционирует в значениях: ‘болотистая местность’, ‘место, заросшее камышом’ и ‘рогоз болотный’ [БТДҺ 2002: 204, 205]. В других тюркских языках — казахском, каракалпакском, узбекском (диал.), туркменском (диал.), турецком (диал.) в различных фонетических вариантах: *ҡопа*, *ҡопо*, *ғопо*, *кофа* употребляется в значениях: ‘камыш’; ‘тростник’; ‘местность, заросшая камышом, осокой’ [ЭСТЯ 2000: 8]. Ср.: *ҡопа* (кирг.) — озеро, заросшее густым камышом, *ҡопо* (ккирг.) — камыш на берегу озера [Радлов 1911: 652–653].

От топоосновы *ҡупа* образованы топонимы: *Ҡупан* — название села в Кушнаренковском районе (образовано от *ҡупа* ‘камыш’ и аффикса *-ан* и *Ҡупай* — озеро в Альшеевском районе (образовано от *ҡупа* ‘камыш’ и аффикса *-ай* или же *-й*)).

3.2.7. Топонимы, названные производящим термином *нарат* ‘сосна’

Нарат — название деревни и болота в Калтасинском районе РБ. В «Словаре топонимов РБ» зафиксировано около десятка названий с топоосновой *нарат*. Р. З. Шакуров происхождение названий с основой *нарат* связывает с татарским *нарат* ‘сосна’ [СТРБ 2002: 156]. *Нарат* — монгольское заимствование в тюркских языках, в др.-тюрк. в начале слов не было сонантов [м] и [н]. *Бишнарат* — деревня в Дюртюлинском районе, образовано от башкирского *биш* ‘пять’, монгольского *нарат* ‘сосна’ [Бухарова 2023: 29–30]. Ср.: монг. nara-sun, халха *нарс*(*ан*), бур. *нараһан*, дагур. *нарсу* ‘сосна’ [ЭСМЯ 2016: 189].

3.2.8. Топонимы, названные производящим термином *бешә* ‘молодая сосна, ель’

Бешәле — речка в Бурзянском районе, *Мешәлеҫеңер* — гора в Уфимском районе. Топооснова *бешә* образована от иранских слов *бешә* / *мешә*: перс. besa, вон. bisa, кохр., сед., газ., кафр., сив. bise, кеш., маз., тал., шам. vise, visa, ср.-перс. vesak ‘роща, лес’ [Бухарова 2016: 527]. Ср.: азерб. *мешӓ* ‘лес’, гаг. *мешӓ*, тур. meşe ‘дуб’.

3.2.9. Топонимы, названные производящим термином *миндеш* ‘болотная, мяндовая сосна’

В ойконимах *Миндеш* в Салаватском, *Миндәк* в Учалинском, *Мәндем* в Гафурийском районах и гидрониме, лимнониме и орониме *Миндәк* в Учалинском районе и гидрониме *Мәндем* в Гафурийском районе выделяется топооснова *мәнд-*, которая восходит к финно-угорским языкам: эстонский термин mannik ‘сосновый лес’, ‘сосняк’; фин. männikkä, карел. mandti, фин. manty ‘сосна’, эст. mand, коми *мандач* ‘болотная, мяндовая сосна’, собирательно ‘болотный сосняк’. В современных башкирских диалектах данное слово активно употребляется в значении ‘молодые заросли сосны или ели’, например, *мандыш* в кизильском, миасском говорах восточного диалекта, *мәндәш* в караидельском говоре западного диалекта в значении ‘сосновая кора, начинающая загнивать’ [Бухарова 2017: 448].

3.2.10. Топонимы, названные производящим термином *терке* ‘сосна’

Терке — деревня в Мечетлинском районе, другое ее название — *Ҡыҙылбай*. Ойконим образован от башкирского диалектного слова *терке* ‘молодая сосна’, которое восходит к мансийскому tarig ‘сосна’. Кроме того, в словаре топонимов РБ зафиксированы оронимы *Теркелетау*, *Теркелегул*, гидроним *Теркелек*, в которых можно выделить топооснову *терке* [СТРБ 2002: 192].

3.2.11. Топонимы, названные производящим термином *ҡолҡан* ‘лиственница’

Ҡолҡан — деревня в Гафурийском районе. Происхождение названия А. А. Камалов связывает с антропонимом *Ҡолҡан* [СТРБ 2002: 127]. Вариант названия — *Әлтәшле*. На наш взгляд, в основе топонима зафиксирована лексема *ҡолған* ‘лиственница’ [Радлов 1905: 594]. В башкирских говорах наблюдается процесс оглушения согласного звука: [ғ] переходит в [ҡ]: лит. *ҡомған* – диал. *ҡомҡан*, лит. *ҡолған* — диал. *ҡолҡан*. Ср.: *кӱлкӓн* ‘буковое дерево’ [Радлов 1905: 1474].

3.2.12. Топонимы, названные производящим термином *мышар* ‘рябина’

Мышағыр — гора в Учалинском районе у села Ураз. Ороним образован от диалект-

ного слова *мышағыр* ‘рябина, рябиновая’. Ср.: *Мышарҙыбил* — седловина горы Мышарҙы у деревни Кусим в Абзелиловском районе. Названия образованы от башкирского диалектного слова *мышағыр* / *мышар* (кизилский говор восточного диалекта), которое восходит к финно-угорским языкам, где хант. petər, манс. pićā̄.r, pā̄śər, paśar ‘ягоды рябины’ [Бухарова 2017: 448].

3.2.13. Топонимы, названные производящим термином *муйыл* ‘черемуха’

Муйыллы туғай — пойма реки в Бурзянском районе у деревни Верхний Нугуш. Название образовано от монгольских слов *муйыл* ‘черемуха’ [Бухарова 2023: 29] и *туғай* ‘излучина, лука (реки)’ [Камалов 1997: 180].

Сукмуйылтау — гора в Бурзянском районе. Название горы образовано от слов *сук муйыл* ‘ветвистая черемуха; черемуха с обильными гроздьями и *тау* ‘гора’. Ср.: *Сукмуйыл* — приток Малой Сюрени в Зианчуринском районе; *Сукмуйыл* — речки в Абзелиловском и Бурзянском районах; *Сукмуйыл* — болото в Белорецком районе. Названия с топоосновой *муйыл* имеют монгольское происхождение: халх. mojl ‘черемуха’, бур. *мойл*, *мойһон* ‘черемуха’, калм. *мөл* (орфографически вместо *мөөл*) ‘крушина’; маньчж. moyoro (←*moyil) ‘черемуха’; эвенк. *монон* ‘клен’ [Бухарова 2023: 29].

3.2.14. Топонимы, названные производящим термином *лям* ‘черемуха’

Ләмйән — правый приток Усолки в Гафурийском районе у деревни Журавлева Поляна. В [СТРБ 2002] происхождение гидронима не интерпретируется. На наш взгляд, гидроним образован от финно-угорского *лям* ‘черемуха’: манс. *лям,* морд. *лем* (*лайма*) — черемуха и *я* — река + аффикс *-н* <*ан*.

3.2.15. Топонимы, названные производящим термином *наҙы* ‘ель’

Наҙы — правый приток Большого Ика в Кугарчинском районе; левый приток Куваша в Илишевском районе. Происхождение гидронимов объясняется от тюркского *наҙы* ‘ель, еловая’ [СТРБ 2002: 155]. Возможно, гидроним образован от персидского nā̂ẑ, nā̂ẑu ‘сосна’. Ср.: др.-перс. *nauča ‘сосна’, ср.-перс. *nōč ‘сосна’, кл. перс. nōj, nōẑ, nōẑā̂n ‘сосна’, ‘сосновое дерево’, кл. перс. nā̂ẑ, nā̂ẑū, nā̂jū ‘сосна’, nā̂ẑūn ‘можжевельник’ [Эдельман 2015: 507]. Ср.: Нязя — левый приток Уфы; Нязепетровск (прежде Назепетровск) — город в Челябинской области. *Наҙытамак* — деревня в Дюртюлинском районе. Ойконим образован от названия местности *Наҙытамак* (*Наҙы* — гидроним, *тамак* — устье). *Наҙыяҙ* — правый приток Демы в Чишминском районе. Гидроним образован от *наҙы* ‘сосновая’ и *яҙ* (*яҙы*) ‘поляна’, которое восходит к др.-тюрк. jazi ‘степь, равнина’ [ДТС 1969: 251].

3.2.16. Топонимы, названные производящим термином *көҙә* ‘ель’

Гидроним *Көҙәште* в Ишимбайском районе интерпретируется от финно-угорской основы *көҙә*, которая восходит к эстонскому kuusk ‘елка’, финское kuusi ‘ель’, карел. kuuzi, вепс. kuz ‘ель’, ‘еловый’, коми-перм. *козъя* ‘ельник’, а *-әш* — обладательный аффикс, соответствующий венгерскому обладательному аффиксу *-те* — башкирский аффикс наличия [Бухарова 2017: 448].

3.2.17. Топонимы, названные производящим термином *тубылғы / табылға* ‘таволга’

Табылғашты — левый приток Миндяка в Учалинском районе. В [СТРБ 2002] происхождение названия не описывается. Возможно, гидроним образован от *табылға* / *тубылғы* ‘таволга’и топоформанта *-аш* и диалектного аффикса наличия *-ты*, соответствующего литературному *-лы.*

3.2.18. Топонимы, названные производящим термином *һукай* ‘таволжник, тамариск’

Һукайлы — правый приток Ашкадара в Федоровском, Мелеузовском, Стерлитамакском районах. Гидроним образован от фитонима *һукай* и башкирского аффикса наличия *-лы*. Происхождение гидронима можно объяснить на материале ландшафтной лексики монгольских и тунгусо-маньчжурских языков: монг. suqai, халх. *сухай*, бур. *һухай*, калм. *суха* ‘таволожник, тамариск’, ‘ива красная’, эвенк. *сукай* ‘таволожка’ [ЭСМЯ 2018: 133].

3.2.19. Топонимы, названные производящим термином *ырғай* ‘жимолость’

Ырғайҙы — река, левый приток Большого Кизила в Абзелиловском районе. На картах — Аргайды. По мнению М. Ф. Хисматова, одного из составителей [СТРБ 2002], название образовано от слов *ыр* / *ор* ‘колодец, яма, рытвина’ и др.-тюрк. *ғаҙы* ‘река, речка’[СТРБ 2002: 227]. Возможно, гидроним образован от монг. irgai ‘жимолость’, калм. jarγä ‘кустарник с очень твердой древесиной’ [Фасмер 2009б: 137] и башкирского диалектного аффикса наличия *-ҙы*, соответствующего литературному *-лы*.

3.3. Топонимы, образованные от названий культурных плодовых деревьев

3.3.1. Топонимы, названные производящим термином *алма* ‘яблоко’

Алмалы — деревня в Ишимбайском районе. Вариант названия — *Алмалык*. Образовано от этнонима *алмалы*. Ср.: *Алмалы* — деревня в Тюльганском районе Оренбургской области.

В башкирской топонимии от названий лесов, рощ и названий дикорастущих деревьев и кустарников образованы географические названия. Названия плодовых деревьев и кустарников почти не отражаются в топонимической системе Башкортостана, кроме *алма* ‘яблоко’.

4. «Священные» деревья в топонимии

В ономастическом пространстве РБ имеются названия, связанные с деревьями и кустарниками. Например, в башкирской антропонимии мужские имена *Имәнғол*, *Имәнбәк*, *Байтирәк*, в этнонимии — род *ҡыпсаҡ*, родовое подразделение *ҡарағай-ҡыпсаҡ*, в топонимии — местности *Байтирәк*, *Байҡайын*, *Байталлы* и мн. др.

Почитание деревьев и их культ были известны у многих народов еще с античности. Известный исследователь оккультизма Мэнли П. Холл пишет: «Храмы часто строились в священных рощах, и ночные церемонии проводились под сенью огромных деревьев, фантастически украшенных в честь покровительствующих им божеств. Во многих случаях верили, что сами деревья обладают атрибутами божественной силы и разума, и поэтому мольбы обращались к ним. Красота, благородство, величина и сила дубов, вязов и кедров явились причинами использования их как символов мощи, целостности, вечности, жизненной силы и божественной защиты» [Холл 1993: 337].

Поклонение предков башкир 12 божествам, в том числе и божеству деревьев, зафиксировано в записках арабского путешественника Ахмеда ибн-Фадлана: «...у деревьев господь...» (цит. по: [Ковалевский 1956: 131]).

Каждое башкирское племя или род имело свое «священное» дерево. Родовыми деревьями являлись: *ҡарағай* ‘сосна’ у карагай-кипчаков, *миләш* ‘рябина’ — у усерган, *ҡайын* ‘береза’— у яик-суби-минцев, *имән* ‘дуб’ — у илькей-минцев, *артыш* ‘можжевельник’ — у племени *катай* и т. д.

В мифологии происхождение некоторых тюркских племен и родов связывается со священными деревьями. Как повествуется в огузских эпических поэмах, родоначальник племени *ҡыпсаҡ* родился в дупле дерева, и огузский каган, помогавший жене умершего в походе воина при родах, назвал ее сына *ҡыпсаҡ*, букв. *ағас ҡыуышы* — дупло дерева [Рашид ад-Дин 1987: 36].

В словаре В. В. Радлова о древнем западно-тюркском племени *Ҡыпчак* читаем: «Рашид-ад дин и Абулгази производят слово *кыпчак* от древнетюркского слова *кыпчак* — пустое дерево. В уйгурской легенде об Огуз-хане говорится: „Они легли на деревья и переплыли через реку, и огуз-хан сказал, смеясь: „Эй, эй, будь ты владетелем, как я, и пусть тебя называют Кыпчак“» [Радлов 1905: 844].

Многие тюркские народы почитали духов-хозяев леса. Как пишет В. Н. Басилов, «хазары представляли Тенгри-хана в виде дерева и посвящали ему высокие деревья и приносили в жертву коней» [Басилов 1992: 537].

Якуты поклонялись духу-хозяину природы Бай Байанай, чуваши — лесному божеству Варман тура, башкиры — лесному духу (хозяину леса) *Урман эйәһе*. Первоначальное значение слова *эйә* восходит к зафиксированному в древнетюркских и среднетюркских памятниках слову idi в значении ‘бог’, ‘господь’, ‘владыка’. Ср.: орх.-ен. памятники, др.-уйг. памятники idi ‘хозяин’, ‘владелец’, у Махмуда Кашгари idi ‘бог’, в «Кутадгу билиг» idi ‘владелец’, ‘обладатель’, в «Сираж ал-кулуб» *иҙи* ‘бог’ [Наджип 1989: 263].

Как показывают наши наблюдения, башкирские дримонимы связаны не только с местом произрастания определенного вида деревьев на территории Башкортостана, но и с культом родовых деревьев, что также нашло отражение в нашем предыдущем исследовании по башкирской топонимии [Бухарова 2003: 63–64]. Особо почитался у башкир священный тополь — *байтирәк*, который был символом мироздания и окультуренной, космизированной местности как у башкир, так и у других тюркских народов: алтай-кижи, казахов и др.

Байтирәк — местность в Архангельском районе РБ. В основе названия местно-

сти лежат *бай* ‘священный’ и *тирәк* ‘осокорь’, ‘тополь’. Название местности связано с почитанием дерева *тирәк*, которое служило символом мироздания, древа мирового и родовой территории. Эпитет *бай* в башкирском и во многих тюркских языках употребляется не только в значении ‘обильный’, богатый’, но и ‘божественный’, ‘священный’, ‘святой’, ‘небесный’, ‘почитаемый’.

Слово *бай* в словах *байтирәк*, *байчагал*, по мнению Р. Г. Ахметьянова, «не означает ‘богатый’, ... оно связано или с тюрко-монгольским глаголом *байы* ‘прекратить ход, остановиться на новом месте при кочевой жизни’, или происходит от кыпчакского *бай* ‘доля’» [Ахметьянов 1981: 94–96]. Он также отмечает, что «в тюркских языках слово *бай*, кроме понятия ‘доля, долевой’, означает еще ‘священный, особо предназначенный’» [Ахметьянов 1981: 94–96].

У башкир имеется мужское имя *Байтирәк*. Возможно, это имя-пожелание давали младшему сыну, продолжателю рода, который должен был унаследовать родовую территорию и возглавить род.

Как показывают наши примеры, топонимы с основой *тирәк* получили довольно широкое распространение на территории РБ: *Актирәк* — гора в Гафурийском районе, *Дәүтирәк* — местность в Архангельском районе, *Күктирәк* — местность в Зианчуринском районе, *Тирәкле* — деревня в Архангельском районе и т. д.

Слово *бай* является эпитетом многих деревьев, например, *бай кайын*, *бай тал*, *бай тирәк*. *Бай кайын* в толковом словаре башкирского языка трактуется как ‘одинокая ветвистая береза’ [БТҺ 1993: 29]. Возможно, одиноко растущая ветвистая береза почиталась башкирами. У шаманистов особо почитался культ священной березы. Когда они приносили в жертву этому дереву белого барана, восхваляя священную березу *бай кайын*, читали такую молитву:

Алтын япраклы мөбәрәк кайын,
Һигез күләгәле мөкәддәс кайын,
Туғыҙ күкле алтын япраклы бай кайын,
Эй мөбәрәк кайын ағасы,
Һиңә кара яңаклы, ак төҫтәге
Һарык бәрәсе корбан итәмен
[Инан 1998: 84]

‘С золотыми листьями благословенная береза,
С восемью тенями священная береза,
С девятью небесами и золотыми листьями священная береза,
Эй, благословенная береза,
Приношу в жертву тебе белого ягненка
С черными щеками’[1].

В башкирской топонимии эпитет *бай* ‘священный’ зафиксирован в названии бывшей деревни *Байталлы* и в названии местности *Байтирәк*.

В башкирской топонимии онимы с числовым показателем *биш* ‘пять’ в составе с дримонимами встречаются довольно часто, например, *Бишбүләк* — село, центр Бижбулякского района; *Бишкайын* — село в Аургазинском районе. *Биштирәк яланы* — поляна в Ишимбайском районе у деревни Армет-Рахимово, *Бишнарат* — деревня Дюртюлинском районе, *Биштирәк ауылы* (офиц. *Элмәле*) — деревня в Зианчуринском районе. Образование в топонимии географических названий с числовым показателем *биш* ‘пять’, возможно, связано с ориентиром башкир в пространстве и их «территориальным» мышлением. Об этом же свидетельствует башкирская поговорка: *Биләнсек башы — биш тирәк, билдә так та ил ултырт* ‘Начало — пять тополей, ставь тамгу и сажай иль’.

В башкирском народном эпосе «Идукай и Мурадым» часто встречается выражение *Биләнсек башы — биш тирәк* ‘Начало владений — пять тополей’: *Биләнсек башы — биш тирәк. Билге төйәм — урт өсөн* ‘Начало владений — пять тополей, ставлю тамгу — для пали’; *Биләнсек башы — биш тирәк, билге куйҙың, Мораҙым* ‘Начало владений — пять тополей, поставил ты тамгу, Мурадым’; *Биләнсек башы — биш тирәк, билге куйһам — йорт өсөн* ‘Начало владений — пять тополей, если поставлю тамгу — для усадьбы’ [БХИ 2006: 325, 335].

Деревья и кустарники использовались в лечебной магии у многих тюркских народов, в том числе и у башкир. Даже некоторые названия деревьев и кустарников наименованы по функциональному признаку, т. е. мотивом для номинации стала их магическая или целебная функция. Например, наименование *имән* ‘дуб’ происходит от *им* ‘лечебное средство, лекарство’, чувашское jom ‘магическое средство, колдовство’ [СИГТЯ 2006: 400].

[1] Здесь перевод автора статьи.

Артыш ‘можжевельник’ также широко использовался в лечебной магии у тюркских народов, в том числе и у башкир. Существует множество этимологий лексемы *артыш*. Общепринятым считается происхождение лексемы *артыш* от глагола aryt- ‘очищать’ и аффикса -uč в значении ‘средство для очищения’ [СИГТЯ 1997: 129].

Мы предполагаем, что мотивом номинации для слова *артыш* послужила его функция. Как известно, по поверьям многих народов, в том числе и башкир, *артыш* обладает магической, волшебной силой, исцеляет от сглаза и разных недугов и болезней. Чтобы изгнать нечистых духов из дома или из тела больного, проводили ритуальное действие окуривания можжевельником. Это действие называлось *үртәү* ‘поджигать’, ‘палить’, которое восходит к др.-тюрк. *ört ‘пожар’, от которого образованы глагольные формы: алт. örtö, баш. ürtä (үртэ), тат. ürtä в значении ‘поджигать’, ‘палить’. Очищение огнем было главным ритуальным действием. Дерево или кустарник (его ветки), подлежащие окуриванию, называли *үртәш* / *урташ*, в ходе функционирования в речи и появилась форма *артыш*. Форма *артыш* по отношению к форме *урташ* является вторичным образованием. Соответствие звуков *у* ~ *а* является закономерным фонетическим явлением в тюркских языках: др.-тюрк. *үүаč — общетюркское aүаč.

Наиболее древнее значение данного слова сохранилось в чувашском языке в формах *орт-йывăç*, *уртăш-йывăççи* и др. *Орт-йывăç*, *уртăш-йывăççи*, на наш взгляд, дерево (чув. *йывăç*), подлежащее *үртәү* (палить, поджигать — чув. *орт*, *урт*, *уртăш*, баш. *үртәү*), т. е. палению, поджиганию. Как известно, артыш насыщен эфирными маслами, и благодаря им веточка можжевельника не горит, а тлеет, выделяя запах дыма. Этот процесс действительно благоприятно влияет на организм человека, поэтому эфирные масла издревле служили средством ароматерапии.

5. Заключение

В данном исследовании сделана попытка систематизации топонимов, образованных от дримонимов Республики Башкортостан.

В статье критически осмыслено происхождение около десятка топонимов, образованных от дримонимов, и дана их этимология, выявлены топоосновы от дримонимов и раскрыто происхождение таких топонимов, как *Балта*, *Балышлы*, *Көгөш / Күгеш*, *Көҙәште*, *Ҡолкан*, *Ҡупаяр*, *Ләмйән*, *Миндеш*, *Миндәк*, *Мәндем*, *Туйралы*, *Һарғай*, *Һукай*, *Шығай*, *Ырғайҙы*, *Әкәкүл* и др.

Как видно из материалов анализа, в башкирской дримонимии представлены онимы индоиранского (*бешә* ‘молодая сосна, ель’; *йәнгел* ‘лес, роща’; *туйра* ‘молодой дуб’; *әкә* ‘дуб’, (*әкәлә*) ‘желудь’, *наҙы* ‘ель’); финно-угорского (*көҙә* ‘ель’; *мышар* ‘рябина’; *миндеш* ‘болотная, мяндовая сосна’; *рәм* ‘болото, поросшее лесом’; *нәрә* ‘болото, поросшее кустарником’, *терке* ‘сосна’, *шағыр / шәгәр / шөгөр* мелкий ‘густой лес на болоте’), тюрко-монгольского (*курғы* ‘мелкий лес’, *тайга* ‘гора, хвойный лес’); монгольского (*муйыл* ‘черемуха’; *нарат* ‘сосна’; *ырғай* ‘жимолость’, *шығай* ‘роща, бор, чаща’; *һукай* ‘таволжник, тамариск’; *һарғай* ‘кондовый лес’), а также собственно тюркского происхождения.

По материалам башкирской топонимии нам удалось реконструировать реликтовую лексику, связанную с дримонимами. Как показывают материалы исследования, многие наименования лесов и деревьев, а также кустарников не функционируют в современном башкирском языке, они сохранились лишь в названиях географических объектов. Образование дримонимов связано, во-первых, с местом произрастания деревьев или кустарников, во-вторых, с культом родовых деревьев. Родовые или «священные» деревья, наделенные эпитетом «бай» и числовым показателем *биш* ‘пять’ связаны с «территориальным» мышлением башкир, поскольку такие деревья служили ориентиром в местности, с ними народ связывал космизированное, окультуренное пространство.

Сокращения

азерб. — азербайджанский язык
алт. — алтайский язык
англ. — английский язык
англос. — англосаксонский
балк. — балкарский язык
баш. — башкирский язык
бур. — бурятский язык
вепс. — вепсский язык
вон. — вонищуни (один из диалектов Центрального Ирана)
гаг. — гагаузский

газ. — гази (один из диалектов Центрального Ирана)
дагур. — дагурский язык
д.-в.-н. — древневерхнемецкий язык
диал. — диалект
др.-инд. — древнеиндийский язык
др.-перс. — древнеперсидский язык
др.-р. — древнерусский язык
др.-тюрк. — древнетюркский язык
др.-уйг. — древнеуйгурский язык, древнеуйгурские памятники
инд. — индийский (хинди)
и.-е. — индоевропейские языки
каз. — казахский язык
калм. — калмыцкий язык
караим. — караимский язык
карел. — карельский язык
кафр. — кафрони (один из диалектов Центрального Ирана)
кеш. — кешеи (один из диалектов Центрального Ирана)
кирг. — киргизский язык
ккалп. — каракалпакский язык
ккирг. — казахкиргизский
кл. перс. — классический персидский
коми-зыр. — коми-зырянский язык
коми-перм. — коми-пермяцкий язык
кохр. — кохруди (один из диалектов Центрального Ирана)
ктат. — крымско-татарский язык
кум. — кумыкский язык
лит. — литературный
маз. — мазандеранский язык
манс. — мансийский язык
маньчж. — маньчжурский язык
монг. — монгольский язык
морд. — мордовский язык
нем. — немецкий язык
нен. — ненецкий язык
ног. — ногайский язык
орх.-ен. — язык орхоно-енисейских памятников
офиц. — официально
перс. — персидский язык
письм.-монг. — письменный монгольский язык
р. — река
рус. — русский язык
сед. — седеи (один из диалектов Центрального Ирана)
сив. — сивенди (диалект северо-западной группы)
скр. — санскрит
ср.-перс. — среднеперсидский язык
ср.-тюркских — среднетюркский
тал. — талышский язык
тат. — татарский язык
теленг. — теленгитский (теленгитское наречие алтайского языка)
тел. — телеутский язык
тоф. — тофаларский язык
тув. — тувинский язык
тур. — турецкий язык
туркм. — туркменский язык
узб. — узбекский язык
уйг. — уйгурский язык
устар. — устаревший
фин. — финский язык
хак. — хакасский язык
халх. — халха
халха-монг. — халха-монгольский
хант. — хантыйский
чув. — чувашский язык
шам. — шамерзади (диалект мазандеранского языка)
шор. — шорский язык
эвенк. — эвенкийский язык
эрз. — эрзя-мордовский язык
эст. — эстонский язык
якут. — якутский язык

Литература

Аникин 2000 — *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.

Ахметьянов 1981 — *Ахметьянов Р. Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. 144 с.

БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь (= Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь): в 4 тт.: ок. 70 000 слов / Ё. Баярсайхан и др.; под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 4. М.: Academia, 2002. 532 с.

Басилов 1992 — *Басилов В. Н.* Тюркоязычных народов мифология // Мифы народов мира: в 2-х тт. / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2. М.: Сов. энцикл., 1992. С. 536–538.

БТАҺ 2011 — Башҡорт теленең академик һүҙлеге: 10 томда. Т. II: (Б хәрефе) / Ф. Г. Хисамитдинова редакцияһында (= Академический словарь башкирского языка: в 10 тт. Т. II: Буква «Б» / ред. Ф. Г. Хисамитдинова). Уфа: Китап, 2011. 568 с.

БТАҺ 2012 — Башҡорт теленең академик һүҙлеге: 10 томда. Т. IV: (Й–К хәрефтәре) / Ф. Г. Хисамитдинова редакцияһында (= Академический словарь башкирского языка: в 10 тт. Т. VII: Буквы Й–К / ред. Ф. Г. Хисамитдинова). Уфа: Китап, 2012. 944 с.

БТАҺ 2015 — Башҡорт теленең академик һүҙлеге: 10 томда. Т. VII: (П–С хәрефтәре) / Ф. Г. Хисамитдинова редакцияһында

(= Академический словарь башкирского языка: в 10 тт. Т. VII: Буквы П–С / ред. Ф. Г. Хисамитдинова). Уфа: Китап, 2015. 872 с.

БТАҺ 2017 — Башҡорт теленең академик һүҙлеге: 10 томда. Т. IX: (У–Щ хәрефтәре) / Ф. Г. Хисамитдинова редакцияһында (= Академический словарь башкирского языка: в 10 тт. Т. IX: Буквы У–Щ / ред. Ф. Г. Хисамитдинова). Уфа: Китап, 2017. 980 с.

БТДҺ 2002 — Башҡорт теленең диалекттары һүҙлеге (Рәсәй Фәндәр академияһы. Өфө фәнни үҙәгенең Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты) (= Диалектологический словарь башкирского языка) / отв. ред. М. И. Дильмухаметов, сост. М. И. Дильмухаметов, У. Ф. Надергулов, С. Г. Сабирьянова, Г. Г. Гареева. Уфа: Китап, 2002. 432 с.

БХИ 2006 — Башҡорт халыҡ ижады: 8-се том. Эпос: иртәктәр һәм эпик ҡобайырҙар (= Башкирское народное творчество. Т. 8 (Эпос: иртэки и эпические кубаиры)). Уфа: Китап, 2006. 492 с.

БТҺ 1993 — Башҡорт теленең һүҙлеге. Ике томда (= Словарь башкирского языка. В 2 тт.). М.: Русский язык, 1993. Т. I. 862 с. Т. II. 815 с.

Бухарова 2003 — *Бухарова Г. Х.* Мифопоэтическая картина мира в башкирской топонимии: Монография. Уфа: БГПУ, 2003. 156 с.

Бухарова 2015 — *Бухарова Г. Х.* Зооморфный код культуры в моделировании ландшафта и его отражение в башкирской топонимии // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4. № 6. С. 487–495.

Бухарова 2016 — *Бухарова Г. Х.* Башкирские топонимы, образованные от субстратных географических терминов индоиранского происхождения // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 5. С. 517–529.

Бухарова 2017 — *Бухарова Г. Х.* Финно-угорский субстрат в башкирской топонимии // Российский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 5. С. 444–452.

Бухарова 2023 — *Бухарова Г. Х.* Башкирские географические названия монгольского происхождения // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023. № 2(40). С. 21–36.

Гейбуллаев 1986 — *Гейбуллаев Г. А.* Топонимия Азербайджана (историко-этнографическое исследование). Баку: Элм, 1986. 190 с.

Добродомов 1971 — *Добродомов И. Г.* Тюркизмы славянских языков как источник сведений по исторической фонетике тюркских языков (соответствие s_ i) // Советская тюркология. 1971. № 2. С. 81–92.

ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / ред.: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, ЛО, 1969. 676 с.

Инан 1998 — *Инан А.* Шаманизм в истории и сегодня (на башкирском языке). Уфа: Китап, 1998. 224 с.

Исаев 2015 — *Исаев Ю. Н.* Фитонимическая картина мира в разноструктурных языках: дисс. … д-ра филол. наук. Чебоксары, 2015. 413 с.

Камалов 1994 — *Камалов А. А.* Башкирская топонимия. Уфа: Китап, 1994. 304 с.

Камалов 1997 — *Камалов А. А.* Башкирские географические термины и топонимия. Уфа: Китап, 1997. 385 с.

Киекбаев 2002 — *Киекбаев Дж. Г.* Избранные статьи. Уфа: БашГУ, 2002. 204 с.

Ковалевский 1956 — *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Харьковский гос. ун-т им. А. М. Горького, 1956. 348 с.

Молчанова 1979 — *Молчанова О. Т.* Топонимический словарь Горного Алтая / под ред. А. Т. Тыбыковой. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ие Алтайского кн. изд-ва, 1979. 400 с.

Мюллер 2013 — *Мюллер В. К.* Полный англо-русский словарь. М.: Эксмо, 2013. 1328 с.

Наджип 1989 — *Наджип Э. Н.* Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М.: Наука, ГРВЛ, 1989. 283 с.

НРС 2013 — Немецко-русский словарь: 2 в одном: справочный и учебный словарь. М.: АСТ, 2013. 190 с.

Подольская 1988 — *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

Поспелов 2001 — *Поспелов Е. М.* Географические названия мира: Топонимический словарь / отв. ред. Р. А. Агеева. 2-е изд., стер. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2002. 512 с.

Радлов 1905 — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий В. В. Радлова = Versuch eines Wörterbuches der türk dialecte von Dr. W. Radloff. Т. 3. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1905. 2302 с.

Радлов 1911 — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий В. В. Радлова (= Versuch eines Wörterbuches der türk dialecte von Dr. W. Radloff). Т. 4. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1911. 2328 с.

Рашид ад-Дин 1987 — *Рашид ад-Дин Ф.* Огуз-наме / пер. Р. М. Шукюровой. Баку: Элм, 1987. 128 с.

РВС 1971 — Русско-венгерский словарь / сост. Л. Хадрови, Л. Гальди. Budapest: Akademiai Kiadu, 1971. 1140 с.

СИГТЯ 1997 — Сравнительно-историческая

грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1997. 800 с.
СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира протюркского этноса по данным языка / Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов и др.; отв. ред.: Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.
СТРБ 2002 — Словарь топонимов Республики Башкортостан / сост.: А. А. Камалов, Р. З. Шакуров, З. Г. Ураксин, М. Ф. Хисматов. Уфа: Китап, 2002. 256 с.
Усманова 1994 — *Усманова М. Г.* Имя отчей земли: Историко-лингвистическое исследование топонимии бассейна реки Сакмар. Уфа: Китап, 1994. 272 с.
Фасмер 2009а — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 тт. Т. 1: А–Д / пер. с нем. и доп.: О. Н. Трубачев. 4-е изд. стер. М.: Астрель; АСТ, 2009. 588 с.
Фасмер 2009б — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 тт. Т. 2: Е–Муж. / пер. с нем. и доп.: О. Н. Трубачев. 4-е изд. стер. М.: Астрель, АСТ, 2009. 671 с.
Фасмер 2009в — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 тт. Т. 3: муза – сят / пер. с нем. и доп.: О. Н. Трубачев. 4-е изд. стер. М.: Астрель, АСТ, 2009. 830 с.
Хисамитдинова 1992 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Географические названия Башкортостана. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1992. 103 с.
Хисамитдинова, Сиразитдинов 2011 — *Хисамитдинова Ф. Г., Сиразитдинов З. А.* Русско-башкирский словарь-справочник названий населенных пунктов Республики Башкортостан / отв. ред. З. Г. Ураксин. Уфа: Китап, 2001. 320 с.
Холл 1993 — *Холл М. П.* Энциклопедическое изложение масонской, герменевтической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск: Наука, 1993. 794 с.
Эдельман 2015 — *Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. 5: l–n. М.: Наука; Вост. лит., 2015. 566 с.
ЭСМЯ 2016 — Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред.: Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. II. G–Р. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.
ЭСМЯ 2018 — Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост.: Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. III: Q–Z. М.: ИВ РАН, 2018. 240 с.
ЭСТЯ 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.
ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К» «Қ». Вып. 1 / отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Языки русской культуры, 1997. 368 с.
ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «Қ». Вып. 2 / авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин; отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Индрик, 2000. 265 с.

References

Agishev I. M. et al. Dictionary of the Bashkir Language. In 2 vols. Moscow: Russkiy Yazyk, 1993. Vol. 1, 862 p. Vol. 2, 815 p. (In Bash.)
Akhmetyanov R. G. Spiritual Ethnic Cultures of the Middle Volga: Common Vocabulary. Moscow: Nauka, 1981. 144 p. (In Russ.)
Anikin A. E. Etymological Dictionary of Russian Dialects in Siberia: Borrowings from Uralic, Altaic, and Paleo-Siberian Languages. Moscow, Novosibirsk: Nauka, 2000. 768 p. (In Russ.)
Basilov V. N. Turkic mythologies. In: Tokarev S. A. (ed.) Myths of the World. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1992. Vol. 2. Pp. 536–538. (In Russ.)
Bikbaev R. (ed.) Bashkir Folklore. Vol. 8: Epic. Irteks and Epic Kubairs. Ufa: Kitap, 2006. 492 p. (In Bash.)
Blagova G. F. (ed.) Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Word Stems Beginning with the Letters ‘K’ and ‘Қ’. Pt. 1. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, 1997. 368 p. (In Russ., Turk., etc.)
Blagova G. F. (ed.) Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Word Stems Beginning with the Letter ‘Қ’. Pt. 2. Moscow: Indrik, 2000. 265 p. (In Russ., Turk., etc.)
Bukharova G. Kh. Bashkir place names derived from the substrate geographical terms of the Indo-Iranian origin. *Liberal Arts in Russia*. 2016. Vol. 5. No. 5. Pp. 517–529. (In Russ.)
Bukharova G. Kh. Finno-Ugric substratum in the Bashkir toponymy. *Liberal Arts in Russia*. 2017. Vol. 6. No. 5. Pp. 444–452. (In Russ.)
Bukharova G. Kh. Geographical names of Mongolian origin in Bashkir toponymy. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2023. No. 2(40). Pp. 21–36. (In Russ.)
Bukharova G. Kh. Mythopoetic Worldview in Bash-

kir Toponymy. Monograph. Ufa: Bashkir State Pedagogical University, 2003. 156 p. (In Russ.)
Bukharova G. Kh. Zoomorphic code of culture in the terrain modeling and its reflection in the Bashkir toponyms. *Liberal Arts in Russia*. 2015. Vol. 4. No. 6. Pp. 487–495. (In Russ.)
Dilmukhametov M. I., Nadergulov U. F., Sabiryanova S. G., Gareeva G. G. (comps.) The Bashkir Dialect Dictionary. M. Dilmukhametov (ed.). Ufa: Kitap, 2002. 432 p. (In Bash.)
Dobrodomov I. G. Turkisms in Slavic languages as a source on Turkic historical phonetics: Correspondences s – š. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1971. No. 2. Pp. 81–92. (In Russ.)
Edelman D. I. Etymological Dictionary of Iranian Languages. Vol. 5: L–N. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2015. 566 p. (In Russ., Pers., etc.)
Gazina E. A. (ed.) German-Russian Dictionary: Two in One. Moscow: AST, 2013. 190 p. (In Germ. and Russ.)
Geibullaev G. A. Toponymy of Azerbaijan: A Study in History and Ethnography. Baku: Elm, 1986. 190 p. (In Russ.)
Hadrovics L., Gáldi L. (comps.) Russian-Hungarian Dictionary. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1971. 1140 p. (In Hung. and Russ.)
Hall M. P. An Encyclopedic Outline of Masonic, Hermetic, Qabbalistic and Rosicrucian Symbolical Philosophy. Novosibirsk: Nauka, 1993. 794 p. (In Russ.)
Inan A. Shamanism in the Past and in the Present. Ufa: Kitap, 1998. 224 p. (In Bash.)
Isaev Yu. N. Phytonymic Worldviews in Structurally Different Languages. Dr. Sc. (philology) thesis. Cheboksary, 2015. 413 p. (In Russ.)
Kamalov A. A. Bashkir Geographic Terms and Toponymy. Ufa: Kitap, 1997. 385 p. (In Russ.)
Kamalov A. A. Bashkir Toponymy. Ufa: Kitap, 1994. 304 p. (In Russ.)
Kamalov A. A., Shakurov R. Z., Uraksin Z. G., Khismatov M. F. (comps.) Republic of Bashkortostan: A Toponymic Dictionary. Ufa: Kitap, 2002. 256 p. (In Russ.)
Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. 2: Б. Ufa: Kitap, 2011. 568 p. (In Bash.)
Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. 4: Й–К. Ufa: Kitap, 2012. 944 p. (In Bash.)
Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. 7: П–С. Ufa: Kitap, 2015. 872 p. (In Bash.)
Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. 9: У–Щ. Ufa: Kitap, 2017. 980 p. (In Bash.)
Khisamitdinova F. G. Geographic Names of Bashkortostan. Ufa: Bashkir State University, 1992. 103 p. (In Russ.)
Khisamitdinova F. G., Sirazitdinov Z. A. Locality Names of Bashkortostan: A Russian-Bashkir Reference Dictionary. Z. Uraksin (ed.). Ufa: Kitap, 2001. 320 p. (In Russ. and Bash.)
Kiekbaev D. G. Selected Articles. Ufa: Bashkir State University, 2002. 204 p. (In Russ.)
Kovalevsky A. P. Ahmad ibn Fadlan and His Account of the Volga, 921–922. Kharkov: Gorky Kharkov State University, 1956. 348 p. (In Russ.)
Molchanova O. T. Toponymic Dictionary of the Altai Republic. A. Tybykova (ed.). Gorno-Altaysk: Altai Book Publ., 1979. 400 p. (In Russ.)
Müller V. K. The Complete English-Russian Dictionary. Moscow: Eksmo, 2013. 1328 p. (In Eng. and Russ.)
Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 676 p. (In Old Turk., Russ., etc.)
Nadzhip E. N. Studies in the History of Turkic Languages: Eleventh to Fourteenth Centuries. Moscow: Nauka — GRVL, 1989. 283 p. (In Russ.)
Podolskaya N. V. The Dictionary of Russian Onomastic Terms. Second edition, rev. & suppl. Moscow: Nauka, 1988. 192 p. (In Russ.)
Pospelov E. M. Geographic Names of the World: A Toponymic Dictionary. R. Ageeva (ed.). Second edition. Moscow: Russkie Slovari, Astrel, AST, 2002. 512 p. (In Russ.)
Pyurbeev G. Ts. et al. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Ca. 70,000 word entries. Moscow: Academia, 2001–2002. On: Monumenta Altaica (Altaic Linguistics). Available at: https://altaica.ru/LIBRARY/mong/bamrs_full.pdf (accessed: 11 September 2023). (In Mong. and Russ.)
Radlov V. V. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, von Dr. W. Radloff. Vol. 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1905. 2302 p. (In Turk., Russ., etc.)
Radlov V. V. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, von Dr. W. Radloff. Vol. 4. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1911. 2328 p. (In Turk., Russ., etc.)
Rashid al-Din. Oghuz-Nameh. R. Shukyurova (transl.). Baku: Elm, 1987. 128 p. On: Vostochnaya Literatura (Oriental Literature). Available at: https://www.vostlit.info/Texts/rus2/Rasiddaddin/frametext1.htm (accessed: 10 September 2023). (In Russ.)
Sanzheev G. D. et al. (ed.) Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 vols. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2016. Vol. 2: G–P. 232 p. (In Mong., Russ., etc.)

Sanzheev G. D. et al. (ed.) Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 vols. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2018. Vo. 3: Q–Z. 240 p. (In Mong., Russ., etc.)

Sevortyan E. V. Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Word Stems Beginning with Vowels. Moscow: Nauka, 1974. 768 p. (In Russ., Turk., etc.)

Tenishev E. R. (ed.) Comparative Historical Grammar of Turkic Languages: Vocabulary. Moscow: Nauka, 1997. 800 p. (In Russ.)

Tenishev E. R., Blagova G. F., Dobrodomov I. G. et al. Comparative Historical Grammar of Turkic Languages: The Proto-Turkic Language. Worldviews of Proto-Turks from Language Material. E. Tenishev, A. Dybo (eds.). Moscow: Nauka, 2006. 908 p. (In Russ.)

Usmanova M. G. Names of Ancestral Lands: Toponymy of the Sakmara River Basin from Historical and Linguistic Perspectives. Ufa: Kitap. 1994. 272 p. (In Russ.)

Vasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 vols. Vol. 1: А–Д. O. Trubachev (transl., suppl.). Fourth edition. Moscow: Astrel, AST, 2009. 588 p. (In Russ.)

Vasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 vols. Vol. 2: Е–Муж. O. Trubachev (transl., suppl.). Fourth edition. Moscow: Astrel, AST, 2009. 671 p. (In Russ.)

Vasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 vols. Vol. 3: муза – сят. O. Trubachev (transl., suppl.). Fourth edition. Moscow: Astrel, AST, 2009. 830 p. (In Russ.)

